

«Там — озера чернеют корягами И гагары призывно кричат...»

Меня зачисляют в штат

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ от Среднего Приобья останутся в памяти на всю жизнь. В лето 1985 года, лето окончания мною университета, самолет, летавший рейсом Новокузнецк-Сургут, делал две посадки — в Колпашево и Нижневартовске. В Нижневартовске садились под вечер. Хорошо помню запах гари и вечернее небо, исчерченное шлейфами дыма от ближних факелов. Сургут запомнился комарами в аэропорту и белой ночью.

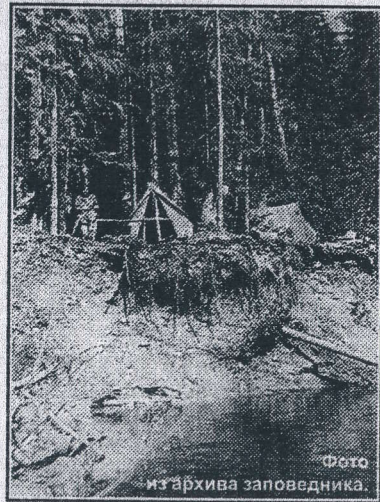
Последний отрезок пути преодолела с помощью незабвенного АН-2, мне крупно повезло — смогла улететь третьим рейсом. Угут удивил обилием песка и цветом воды в реке. Если такие же песчаные поселки, как Угут, доводилось мне видеть на Байкале, то юганская бурая вода сразила совершенно. Выросшая в предгорьях Кузнецкого Алатау, я никогда не видела равнинных болотных рек.

В конторе Юганского заповедника меня ждали: соседка по общежитию, студентка нашего же универ-

ситета — Наташа — проходила здесь практику. К ней я и ехала с твердым намерением остаться работать в заповеднике. Уж не знаю, кого за это винить или благодарить, но намерение мое осуществляется и по сей день, правда, последнее время — вопреки всему.

После радостной встречи мы вышли на улицу. К крыльцу конторы подошли двое молодых людей: высокий кудрявый парень и под стать ему девушка, загорелая, с короткой стрижкой. Оба были в брюках, босые, перепачканные сажей. Наташа представила: «Наши научные сотрудники — Женья и Таня». «У нас сегодня пожар — сгорел дом нашего работника», — сразу объяснили они, оправдывая свой вид. Колорит был разрушен — а я было решила, что в Угуте так принято ходить.

Впоследствии убедилась, что босиком в Угуте ходили в то время многие. Хорошо помню, как Когончина Людмила Леонидовна, бывшая тогда секретарем парторгани-

зации, отчитывала в магазине лаборантку заповедника Марию Гипенрейтер, дочь известного фотографа, за внешний вид. На что Мария ничего не ответила и, беззаботно тряхнув роскошными волосами, пошла по центральной улице Угута. Песок взрывался фонтанчиками вокруг ее босых ступней.

Первая встреча с директором заповедника Николаем Илларионо-

вичем Петункиным произошла через пару дней. Примерно в те дни вышла в свет газета «Тюменский комсомолец», вероятно с первой публикацией о заповеднике. Корреспондент Гродская так охарактеризовала тогдашнего директора: «Высокий, бородатый, импозантный», и последний термин почему-то обидел сподвижников Петункина.

Но он действительно был импозантный — умный взгляд, развитая речь, хороший костюм спортивного покроя — все производило впечатление. Он нравился сразу, однако все, кто общался с ним долго, потом делились на ярых сторонников и не менее ярых последователей.

Петункин был настоящим директором — деловой, всегда в курсе всех событий, знающий что и как надо сделать, умеющий организовать людей (сам в яму он никогда не лез), дисциплинированный, требовательный к людям, к себе (рабочий день начинался ровно в восемь утра, и директор в конторе появлялся первым), доброжелательный и при этом всегда соблюдавший определенную дистанцию с подчиненными (никому в голову не приходило назвать его Колей).

Этот период с полным основанием можно назвать периодом расцвета заповедника. Это было время, когда заповедник более всего походил на научно-исследовательскую природоохранную организа-

цию, когда перед заповедником в целом и перед каждым его подразделением стояли конкретные цели и задачи; когда каждый сотрудник знал, что и где он должен делать; когда все действительно работали.

Меня могут упрекнуть в предвзятости, но это не так. Все его просчеты и недостатки были видны и тогда, а сейчас, по прошествии времени, тем более. Я сужу только по одному критерию — по тому, как работали люди в заповеднике. А работали все — кочевары и строители, лесники и лесные ИТР, лаборанты и научные сотрудники. И даже заместитель директора по науке Ф.Р. Штильмарк, немолодой уже человек, не освобождал себя от работы «в поле».

Не питая никаких особых симпатий к тогдашнему директору заповедника, особенно учитывая все, что произошло потом, я все же отдаю ему должное. Тем более, что достаточно длительный период отделяет нас от того времени, и мы имеем уникальную возможность сравнивать, ведь известно, что все познается в сравнении.

Итак, с благословенного согласия зама по науке меня зачислили в штат заповедника лаборантом. И начался отсчет сказочного времени — времени постижения этого края, его природы, заповедности и себя.

(Продолжение следует).